

УДК 101.1:316:008

РАЗВИТИЕ МИФА ВО ВРЕМЕНИ: ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Ставицкий А. В.

Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе, г. Севастополь, Российская Федерация

E-mail: stavis@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению проблемы развития мифа во времени. В ней подвергается сомнению общепринятая версия, согласно которой миф как синоним лжи и иллюзии в силу своего архаичного происхождения и архетипической сущности всегда неизменен, несмотря на свою способность к тотальной трансформации. Причина господства в науке данной версии объясняется инерцией человеческого знания и непониманием механизма мифотворчества, связанным с устаревшими представлениями о мифе как явлении.

В статье обосновывается версия, согласно которой миф меняется вместе с человеком, культурой и обществом, удовлетворяя их культурные потребности в соответствии с имеющимися современными духовными запросами. В основу данной версии положена установка, что миф не является признаком только традиционного общества и массового сознания, а изначально присущ человеку на всех стадиях его развития независимо от степени его ума и качества образования в силу самых разных психологических и социальных причин. Миф выступает крайне важным фактором духовной самоорганизации человека и общества, определяя процесс смыслообразования и играя для них жизненно важную роль, которую наука в силу своей природы заменить не в состоянии.

Ключевые слова: миф, современный миф, трансформация мифа, развитие мифа.

Постановка проблемы. Одной из наиболее интересных проблем изучения мифа является вопрос, способен ли миф к развитию с учетом его универсальной пластичности или он просто обязан быть неизменным посреди постоянно меняющегося мира ради удобства понимания изучающих его исследователей? При этом уже свершившееся в науке разделение традиционного (архаичного) мифа и мифа современного как двух основных вех его развития за несколько тысячелетий уже наглядно показывает, что миф всё-таки меняется [1]. Однако данная позиция в силу инерции научных представлений о мифе попросту игнорируется.

В связи с этим возьмем на себя смелость в порядке рабочей гипотезы утверждать, что миф не просто пластичен, но и изменчив во времени. И меняется он не сам по себе, а в соответствии с характером изменений в обществе, которое он обслуживает в рамках той или иной культуры. Более того, подчеркнем, что с учётом факта полного игнорирования наукой развития мифа при признании его способности к трансформации [2] данный вопрос становится принципиально важным. Ведь, настаивая на том, что миф является не только удивительно пластичным, но и постоянно развивающимся явлением, мы сводим к минимуму возможность теоретической ошибки, выстраивая отношение к мифу с учётом общей теории изменений. И она нам со всей определенностью подсказывает, что всеобщие изменения не могут касаться природы, науки, общества, людей, но

совершенно игнорировать такую культурную универсалию как миф [3]. А если учесть, какие формы и масштабы носит мифотворчество в современном обществе, становится очевидным, что способность мифа к трансформации просто несопоставима с возможностями развития науки. Ведь даже анализ «внутренней истории» отношения науки к мифу наглядно показывает, что накопленных в ней изменений достаточно, чтобы приступить к инвентаризации и пересмотру тех положений, на которых оно строится уже сотни лет [4].

Цель и задачи статьи

В соответствии с поставленной проблемой цель статьи – рассмотреть, как миф меняется под воздействием среды и общества, которое он обслуживает в соответствии с запросами и характером его трансформации. Для этого нужно:

- выявить причины развития мифа во времени, включая мотивации общества;
- выделить основные причины, мешающие признать развитие мифа как данность и объяснить сомнительность устаревших научных подходов, отказывающих мифу в развитии;
- определить механизм и источник мифологической трансформации.

Особо отметим, что всех, кто по-настоящему глубоко изучал мифологию, поражала способность мифа к его кардинальной трансформации. Но обычно при этом речь шла о трансформации быстрой, сиюминутной (осуществляемой через вариативность), не рассчитанной на длительную перспективу. Поэтому, хотя данное свойство мифа никем принципиально не оспаривалось, но и в качестве проблемы – практически не исследовалось. При этом очевидно, что способность мифа к трансформации, помноженная на его универсальность и тождественность меняющемуся человеку и социуму, должна приводить к весьма существенным изменениям мифа как такового во времени. Ведь он должен меняться с обществом, чтобы быть тождественным ему во всем. В противном случае кто бы вспомнил о мифе, кроме исследователей сказок и былин. Но о мифе не просто помнят. О его возвращении постоянно говорят.

К сожалению, исследователи мифа этот факт практически не учитывают в результате чего создается впечатление, что современный миф возник «из ниоткуда» и как бы без связи с мифом традиционным, хотя многое их внутренне объединяет. Отсюда сомнительное предложение К. Хюбнера, Э. Кассирера и их многочисленных последователей [5] называть подобные мифы т.н. псевдомифами. В результате с одной стороны новые варианты вынуждают держаться старого термина и далее, а с другой – явно указывают на сложившиеся в рамках мифа культурные различия. Однако ответ здесь значительно проще: миф живой, работающий, пронизывающий нашу жизнь – всегда настоящий, а приставка «псевдо» скорее подходит к тем мифам, которые умерли вместе с создавшими их цивилизациями, оставив лишь великие притчи и классические сюжеты. Но в игре науки с понятиями происходит как раз наоборот.

Однако вернемся к проблеме развития. «В отличие от гегельянства с его диалектическим движением по спирали и от психоанализа с его эдиповым треугольником как элементарной формой семейных отношений, единственной

формой развития в «Мифологиках» является трансформация» [6, с. 752], – полагал К. Леви-Строс. Но разве та или иная форма и степень трансформации не свойственна всему живому? И кто сказал, что трансформация отрицает движение? А каким оно будет в мифах – уже зависит от восприятия. Ведь в мифе мир такой, каким его мыслят. Мыслят во времени. А каким это время в мифе будет – закольцованным, линейным или запущенным по спирали – зависит от исходной и заданной в мифе установки. Более того, время в мифе может также замедлиться, быть запущенным вспять или вообще остановиться. И даже в этом проявится его трансформация относительно того, что движется.

В чём же механизм трансформации? Как она осуществляется? К сожалению, дальше признания трансформации мифа К. Леви-Стросу в своих многолетних исследованиях толком продвинуться не удалось. Более того, варианты трансформации мифа оказались столь разнообразными, что К. Леви-Строс уподобил миф музыке. Впрочем, и аналогии с музыкой оказалось недостаточно для выражения природы мифа. Во всяком случае, в своих «Мифологиках» К. Леви-Строс признался, что «в последних двух томах мифы настолько усложняются, что и музыкальные аналогии местами перестают работать» [6, с. 752]. Однако не исключено, что в данном случае усложнялся не миф, а его восприятие по мере погружения в мифологию, где миф мог предстать простым или бесконечно сложным в зависимости от того, насколько он исследователю в процессе познания открылся.

Что же делает миф настолько пластичным? На наш взгляд, пластичность мифа и его способность к трансформации, помимо построенной на ассоциациях свободной игры ума, основана также на том, что миф может использовать преимущества других систем, с которыми он взаимодействует, включая его рационализацию. Естественно, время берет свое, и миф все более рационализируется. Возможно, эта рационализация носит внешний характер. Но отрицать ее уже не получается. Правда, она в мифе обычно воспринимается как нечто аномальное. Ведь если раньше миф возникал как-то стихийно, спонтанно, незаметно и естественно для всех, то теперь его могут специально готовить под конкретный социум или целевую аудиторию. И все-таки, что-то в мифе постоянно остается неосознанным и неуловимым, как и тысячи лет назад. И эта важная, ускользающая от нас, деталь не позволяет сложить процесс мифотворчества в единую законченную всеобъемлющую систему. При этом стоит учесть, что применительно к проблеме изменения отношения науки к мифу, возможно, мы имеем дело с тем случаем, когда пересмотр основных принципов существования системы лишь подтверждает ее стабильность в развитии, а попытка систему стабилизировать вынуждает эти принципы пересмотреть. К тому же имеющие место в отношении науки к мифу метаморфозы наглядно показывают, что он остается собой, даже переходя в свою противоположность. Тому пример – мифы науки. Впрочем, подобные трансформации свойственны не только мифологии, но и семиотике, что лишь подтверждает их общую жизнеспособность [7].

В чём же источник развития мифа? По всей видимости, основным источником развития мифа является его внутренняя бинарно устроенная

самоорганизация, позволяющая мифу расти собой из себя, выступая причиной собственного образования за счёт постоянной игры смыслов. Другим источником являются многообразные внешние факторы, выступающие для мифа исходным материалом и раздражителем. Факторы, связанные с одной стороны с человеческими чувствами, страхами, мечтами, желаниями, включая его склонность к познанию и стремление к трансценденции [8], а с другой – с социальной структурой постоянно меняющегося общества. Ведь миф обслуживает социум и человека, мифологизируя всё вокруг них. А чтобы выполнять эту функцию он должен неизбежно меняться вместе с ними.

Впрочем, остается неясным вопрос, допускает ли мифологизация рационализацию? По мнению большинства исследователей, нет. «Мифологизация означает не причинное объяснение этого явления, а принятие его таковым, каково оно есть, причем принятие его благоговейное, критическое отношение к которому в мифологии в принципе невозможно» [9], – считал по этому поводу известный российский философ Е. Н. Ростошинский. И данное мнение в целом не вызывает возражений, за исключением уточнения, что «благоговейное» отношение не исключает анализа сущности и причин, только по характеру оно будет апологетическим, как это видно, скажем, в марксизме, либерализме или сциентизме, которые сохраняют все признаки логического мышления, но в значительной степени мифологичны.

Что касается невозможности «критического отношения», то это в большей степени относится к мифологизации в рамках функционирования мифов архаичных. Современная мифология устроена иначе и допускает многое из того, что в архаичной мифологии было «в принципе невозможно», воспринимая современный миф уже не как сказку, но как живую и прочувствованную реальность. О чём же данное обстоятельство говорит? Как ни покажется это странным, такая поправка говорит более об исследователе, нежели об объекте исследования. Почему? Дело в том, что подобная, типичная для многих современных исследователей мифа теоретическая позиция почему-то исключает саму возможность эволюции мифологии, предпочитая ее рассматривать так, будто миф всегда неизменен. Но это не так. Мифологии свойственно развиваться в не меньшей степени, чем любой другой обслуживающей человека системе [10]. Она развивается человеком и вместе с человеком, трансформируясь под его уровень и запросы. Возможно, поэтому нынешнее мифологическое сознание оказалось столь неуловимым для большинства современных исследователей. Ведь им приходится изучать то, что они даже в уме не могли отделить от себя. Отсюда и имеющие место трудности восприятия, вызывающие ощущение, что для понимания мифа требуются уже не только знания, но и своего рода посвящение. Одно из них (ощущение?) наглядно проявляется в следующей сентенции: «Мифология традиционна и авторитарна. Все новое, если оно там вообще появляется, подается и воспринимается как переоткрытие старого, прошлое берется и переживается как настоящее» [11, с. 36], – писал профессор П. К. Гречко, утверждая как истины те научно оформленные связанные с мифом и мифологически оформленные банальности, которые предлагают лишь один вариант

подхода к мифологии, упрощая ее до привычных и общепринятых представлений ее носителя.

Что же в данном высказывании является главным? Установка, отказывающая мифу в развитии. Иными словами, в мире все подвержено количественным и качественным изменениям, кроме мифа? Но почему? Лишь потому, что «мифология традиционна и авторитарна»? Конечно, опора на традицию для мифа важна. Но почему тогда он свойствен не только традиционным обществам, но и другим? Следовательно, в такой же степени он зависит и от среды, являясь её образно-символическим отражением. А это означает, что миф неизменен в той степени, в какой неизменна порождающая его социальная среда. И если она меняется, будет меняться и миф [12]. Но может остаться неизменным наше представление о нем, связанное с удобством понимания, порождая очередной миф о мифе. Чем же объяснить тогда столь упрощенную позицию известного ученого? Очевидно, что коль в приведенной выше сентенции отрицается сама возможность изменения мифа, а возникновение нового ставится под сомнение («новое, если оно там вообще появляется») и сводится к т.н. переоткрытию, речь идет о проблеме, связанной с нежеланием понимать. Иначе говоря, налицо произвольное упрощение или примитивизация явления, больше говорящая об «исследователе», нежели об объекте исследования.

По-видимому, такая недооценка и явное упрощение мифа как явления могут быть оправданы лишь удобством понимания, когда человек, не упростив явления, не может ни понять его, ни объяснить, ставя при этом пределы как своему исследованию, так и самому явлению, что загоняет его в смысловой тупик, который может быть разрешен лишь на новом информационном и концептуальном уровне. И такой уровень можно достичь, трансформировав идею Ю. М. Лотмана, что миф есть код плюс его история, выраженная (проявленная) во времени [13, с. 15]. В свою очередь это обстоятельство однозначно напоминает, что современный миф живет исторически. Таким образом, в данной сентенции выдающегося семиолога заложен крайне важный вывод, что миф развивается, и его развитие не обязательно проходит по замкнутому кругу, как нас пытаются убедить многие мифологи, так как в своих изменениях миф настолько же многообразен и непредсказуем, как многообразна и непредсказуема наша жизнь, образно-символическим отражением которой он является [14].

С чем же связано подобное упрощение? Почему многие исследователи между правильным и легким чаще выбирают второе? Потому что судить по «древним» мифам о мифологии в целом равнозначно тому, чтобы по останкам динозавра или мамонта судить о том, как они жили и почему вымерли. Кое-что узнать и обосновать свою позицию более-менее правдоподобно возможно. Но знания, полученные в результате исследования сохранившихся останков несравнимы с изучением живых объектов, если они есть. А настоящий миф всегда живой и не сводится к описанию. Но поскольку для нас миф есть то, что мы думаем о нем, наше общество блистательно вообразило миф таким, что ни один рационально мыслящий человек не захочет иметь с ним дело, прилагая все силы, чтобы преодолеть миф в себе, но расхваливая его проявления в культуре. К

сожалению, наука приложила большие усилия, чтобы подобное пренебрежительное отношение к мифу стало в обществе доминирующим, поощряя в массе своей такие представления, которые позволяли за счет мифа самоутверждаться, обвиняя в мифотворчестве не себя, а массовое сознание.

Однако выводы наиболее интересных и выдающихся исследователей мифологии (А.Ф. Лосев, М. Элиаде, К. Леви-Строс, Дж. Кэмпбелл, А.М. Лобок, В.М. Найдыш, А.Г. Некита, А.Г. Маленко, П.А. и А.А. Гагаевы) показывают, что эти представления оказались нашим мифом о мифе. И ему в ближайшие десятилетия придется существенно трансформироваться в пользу признания того, что без мифа ни человек, ни общество, ни даже наука обойтись не могут.

При этом следует также признать, что в мифе всегда есть нечто архаичное. И не только потому, что принято считать, будто миф имеет глубоко архаическую природу и восходит к дописьменной эпохе. Хотя архаичность и воспринимается, как залог стабильности и подразумевает обращение к истокам. Ведь даже в современной мифологии существует комплекс текстов, которые формируют пласты и регулируют свойства и функции архаики [15]. Но является ли архаичность мифа следствием и «эхом» отжившего или непреходящим свидетельством вечно возвращающихся Начал, исследователи однозначно ответить не могут. И даже гипотеза об архетипе сознания не очень помогло в данной области [16].

Возможно поэтому мифы до сих пор мыслятся как постоянно присутствующие типы культуры, не включенные в историческую динамику лишь на том основании, что они представляют собой некую исходную универсальную константу, из которой вышли культура и наука, после чего миф должен был либо застыть, либо отмереть. Но он почему-то не сделал ни того, ни другого, продолжая развиваться и эволюционировать вместе с людьми и обществом созвучно их бытию и сознанию. И, может, именно в этом и заключается причина того, что свои мифы люди, как правило, не распознают.

Впрочем, не исключено, что эволюция мифа как социокультурного явления вытекает хотя бы из его активных взаимоотношений с наукой. Так, миф, подобно «пожирающему» настоящему прошлому, поглощает все то, что сбрасывает с себя наука, отказываясь от него, как от ложного и устаревшего. В результате этот сброшенный наукой «лишний груз», становясь по мере отказа от него мифическим суеверием, с неизбежностью обогащает миф такими качествами, которые раньше мифу не были свойственны [17].

Однако этим отношения науки и мифа не заканчиваются. Ведь в свою очередь в поисках новых идей наука черпает из сферы мифического и рационализирует те интуиции, что при дальнейшем их обосновании могут стать новыми гипотезами и теориями. Причем они будут считаться истинными до тех пор, пока их кто-то не опровергнет, чтобы снова ввергнуть их в сферу мифического. Впрочем, данный скрываемый наукой процесс лишь показывает нам, как с помощью мифа наука развивается [4]. Но тогда нам придется признать, что мнение, будто миф свойствен только людям глупым и необразованным, относится к тем современным мифологиям, которые утешают «умных» и «грамотных», убеждая их, что они сумели преодолеть миф в себе, и наделяя их верой, что они стоят выше

прочих. Согласно мифу, чем образованнее и умнее человек, тем меньше вероятности, что он окажется в плену тех или иных мифологем. Однако на деле миф приходит не «сверху» или «снизу», не навязывается извне, а рождается изнутри. Он таков, каков сам человек и его среда, и меняется вместе с ними. Для каждого человека он абсолютно органичен, полностью соответствуя присущим человеку чувствам, страхам, мечтам, желаниям, ожиданиям [18]. Естественно, если представления человека с возрастом меняются, изменятся и его мифы. Но то, что по мере этого изменения было отторгнуто, хотя и осталось в памяти, будет восприниматься как заблуждение и называться мифом. Хотя для данного человека это заблуждение уже мифом не будет являться, т.к. потеряет свою суггестию, перестав быть живым и работающим.

К сожалению, несмотря на это, отрицание за мифологией права на развитие, считается общепринятым. Согласно ему, миф не имеет права выходить за рамки традиционного общества и функционировать в иных социальных системах. Его могут назвать псевдомифом, антимифом или вообще отрицать его существование, сводя сферу мифического, скажем, к «постправде» или мифопоэтике. А очевидные признаки его присутствия будут считать ошибкой эволюции, рудиментом, «отрыжкой» прошлого, называя в качестве его источника массовое сознание.

Чем же объяснить такое отношение? Анализируя механизм утверждения в научном сознании нового, Ю. М. Лотман заметил: «Продолжение и в науке, и в культуре всегда есть отрицание. Нельзя продолжать, держась за готовые формулы» [19]. Но это означает, что новое не сможет утвердиться без смены взглядов. А для этого нужна не только научная честность, но и элементарная психологическая готовность принять новое, несмотря на его непривычность [20]. И, возможно, в этом кроется главная проблема отторжения мифа и отрицания его развития. Ведь в большинстве случаев новые взгляды в силу уже своей непривычности вызывают отторжение у тех, кто привык к другому. Но оно не остановит неизбежную смену парадигм.

Именно поэтому Ю. М. Лотман считал важным воспитать в учёных терпимость к непредсказуемому. Готовность, которая проявляется в психологической открытости миру. «Мы стремимся ввести непредсказуемость в область науки, – говорил он. – До сих пор наука занималась причинно-следственными связями, оставляя непредсказуемое, случайное за своими пределами. Это необходимый этап, но это не конец. Таким образом, мы видим новый процесс», так как «решать, как это решала классическая наука XVII–XVIII веков, что область непредсказуемого за ее пределами, и вообще за пределами науки, мы сейчас не можем» [19].

Иначе говоря, то, что в данном случае называют «демифологизацией» на самом деле является трансформацией мифа, его своеобразным подстраиванием под изменившееся сознание и восприятие человека, где истинным является нечто новое. Несущие новые смыслы взгляды сменяют старые, утверждая себя как истинные. Но и они – тоже миф. Только в силу своей новизны пока еще не распознанный. И с позиций этого нового пока еще нераспознаваемого мифа и нового уровня мифологического сознания старые мифы объявляются отвергнутыми, отжившими,

умершими, потому что люди, разуверившись в них, считают их ложными. Так мифы умирают в старой форме и воскрешаются в новой, полностью подтверждая воплощенный в разных явлениях миф о смерти и воскрешении, чтобы остаться в вечности [21]. Только относительно себя.

В подобных случаях принято ссылаться на классические мифы о смерти и воскрешении, которые встречаются почти во всех религиях мира. Однако и позже эта мифическая тема воспроизводилась и разыгрывалась в культуре, политике, социальной жизни неоднократно. Образцом такого «чистого» мифологического мышления, воспроизводящего мифологическую модель смерти и воскрешения, можно считать знаменитое в советское время стихотворение Эдуарда Багрицкого «Смерть пионерки», фрагмент из которого мы приводим ниже: «Нас водила молодость / В сабельный поход, / Нас бросала молодость / На кронштадтский лед. / Боевые лошади / Уносили нас, / На широкой площади / Убивали нас. / Но в крови горячечной / Подымались мы, / Но глаза незрячие / Открывали мы. / Возникай содружество / Ворона с бойцом – / Укрепляйся, мужество, / Сталью и свинцом. / Чтоб земля суровая / Кровью истекла, / Чтобы юность новая / Из костей взошла» [22].

И кто может, читая эти строки, усомниться в том, что в них воплощена своя особая и вместе с тем универсальная мифология, воспроизводящая одну из самых ее древних и фундаментальных тем? Однако сей пример лишь один из многих. И он показывает, что пределы мифу ставит не миф, а человек и создаваемая им из локальных знаний наука. Те пределы, которые отмерены ее современными взглядами и возможностями, вписываясь в ее представления о мифе и наукообразные описания его [4].

В связи с этим, предваряя теорию изучения нелинейных динамических систем, Ф. Ницше писал: «У нас не хватает тонкости, чтобы заметить текучесть, по всей видимости абсолютную, процесса становления; устойчивость существует лишь благодаря грубости наших органов чувств, резюмирующих и сводящих вещи к общим планам, между тем как на деле нет ничего, что существовало бы в этой форме. Дерево в каждый момент своего существования – это некая новая вещь; мы утверждаем форму, потому что не замечаем неуловимости абсолютного движения» [Цит. по: 23, с. 513]. И нам нужна эта формула для понимания так любимого Ф. Ницше мифотворчества. Ведь разум не в состоянии отразить, оценить и осмыслить все тонкости того, процесса, который мы называем жизнь. А миф – может. И отражает, оценивает, осмысливает снова и снова через наше мифотворчество [24]. Отражает каждый раз по-разному в соответствии с новым историческим моментом, акцентируя на тех аспектах происходящего, которые для нас в данный момент наиболее значимы [25].

Кстати, предложенный Ф. Ницше образ дерева как «становления» любого явления позволяет спроецировать его и на мифотворчество. Ведь вечно растущее «дерево» мифологии, как и «дерево» знания, неизменно лишь потому, что мы не замечаем в нем постоянных изменений. В результате этого сложилась довольно странная, но типичная для взглядов многих исследователей мифа ситуация, когда с одной стороны, все соглашались с тем, что миф постоянно трансформируется и,

более того, трансформация – едва ли не единственная форма развития мифа, как утверждал К. Леви-Строс [6, с. 752], а с другой – в отличие от прочих форм человеческих знаний и опыта, миф должен был остаться в тех формах и пределах развития, которые были свойственны ему в самом начале, лишь на том основании, что человеку такой миф проще и удобнее изучать.

Именно поэтому мифу постоянно предписывают, каким он должен быть. Так, например, что касается отношения мифа ко времени, наиболее типичной является позиция, согласно которой миф имеет вневременной характер и время протекает в нем всегда циклично. Но, как мы писали об этом ранее, миф в силу своей универсальности может развернуть любую модель осмысления времени. В частности, применительно ко времени, в различных мифологических традициях доминирует либо линейная, либо циклическая временная концепция. При этом доминирование той или иной концепции не исключает их сочетания на различных уровнях. Ритмы мифосистемы (мифа) – в засыпающей и возрождающейся природе (смене годовых сезонов, фазах лунного цикла, смены дня и ночи) создают впечатление цикличности природы. Концепция «линейного» времени исходит из понимания необратимости определенных процессов в жизни человека (возрастные изменения), общества, вселенной, однако может делиться на прогрессивный и регрессивный варианты развития, ставя в основу первого миф о прогрессе, а в основу второго – т.н. «золотой век».

«Напряженное, динамичное чувство времени – одно из самых характерных европейских чувств. Европейец живет постольку, поскольку все время преодолевает свои прежние состояния, поскольку его выталкивают из этих состояний силы, которые он описывает как законы истории» [26, с. 248], – замечательно написала о соотношении состояний европейца и его рефлексии О. Балла. Но применительно к мифу данный отрывок получает весьма любопытные дополнительные трактовки, даже с учетом того, что «чувство времени» – исключительно мифологическое чувство. Дело в том, что преодоление «прежних состояний» для человека означает преодоление мифа в себе и себя в мифе, но лишь для того, чтобы отбросить старые формы мифа и вместо них создать новые. А подача выталкивающих человека «сил», «которые он описывает как законы природы», весьма подходит под последние представления о том, как миф наукой рационализируется, дабы сделать его понятным для себя. Но что есть в данном случае рационализация, как не особый вид упрощающего мифологизируемое явление мифотворчества, призванный объяснить человеку то, что он во всей полноте и целостности явления ни понять, ни принять не может? Мифотворчество, в ходе которого не только создается простой и понятный образ явления, но и подбираются такие формы его передачи, которые призваны создать иллюзию логичности и наукообразия [27].

К сожалению, на определенном этапе своего развития осознавшее собственную разумность человечество не смогло понять силу и своеобразную «естественную» разумность мифа, за что сейчас и расплачивается, плодя в духе «постправды» новые понятия, которые за пределы мифа как явления не выходят. Впрочем, на данный момент ситуация уже не представляется безнадежной, поскольку осмысленная в этом ключе проблема позволяет её позитивно решить

[28]. Хотя и, по меткому замечанию Ю. М. Лотмана, «наука идет не от непонятого к понятому, а от понятого к непонятому. Пока мы находимся в донаучном состоянии, нам все понятно, а первый признак науки – непонимание» [19]. Но исследователя это не должно пугать. Ведь «из области, где он узнавал истины, он переходит в область, где узнает сомнения» [19]. В том числе и сомнения, мотивирующие нашу мысль на понимание того, что миф, обслуживающий общество и человека, подстраиваясь под их чувства, мысли и желания, не может не меняться вместе с ними.

Таким образом, мы подходим к итоговому выводу, что господствующее до сих пор в науке утверждение, будто миф, несмотря на свою универсальную пластичность, не меняется вместе с обществом и вообще неспособен к развитию, следует считать неверным и устаревшим. Ведь если бы миф оставался в меняющемся обществе неизменным, он не смог бы выполнять свои функции [25], в которых общество нуждается в силу своей природы.

Список литературы

1. Ставицкий А.В. Онтология современного мифа / А.В. Ставицкий. – Севастополь: Рибэст, 2012. – 543 с.
2. Тычкин П.Б. Логика мифа в концепции К. Хюбнера как эпистемологическая модель эволюции постнеклассической научной методологии / П.Б. Тычкин // *Известия Томского политехнического университета: Философия, социология, культурология*. – 2010. – Т. 317. – № 6. – С. 157–161.
3. Микешина Л.А., Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальности / Л.А. Микешина, М.Ю. Опенков. – М.: РОССПЭН, 1997. – 240 с.
4. Ставицкий А.В. Современная мифология: опыт постижения Иного / А.В. Ставицкий. – Севастополь: Рибэст, 2012. – 192 с.
5. Рязанов Д.В. К вопросу о мифах и псевдомифах / Д.В. Рязанов // *Философские дескрипты: Сборник статей*. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета. – Выпуск 2. – 2002. – 282 с.
6. Леви-Строс К. Мифологии / К. Леви-Строс ; пер. с франц. – М. : ИД Флюид. 2007. – Т. 4. Человек голый. – 784 с.
7. Имя – сюжет – миф / Под. ред. Н.М. Герасимовой. – СПб.: Изд-во СПбУ, 1996. – 240 с.
8. Круглов А.Н. Трансценденталистская интерпретация мифа / А.Н. Круглов // *Разум и экзистенция. Анализ научных и вненаучных форм мышления. Под ред. И.Т. Касавина и В.Н. Поруса*. – СПб. : РХГИ. – 1999. – С. 150-162.
9. Ростошинский Е.Н. Структура мифологического мировоззрения. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/rostosh/misl8_10.html (Дата обращения: 7.07.2018)
10. Миф в культуре: человек – не-человек. – М.: Индрик, 2000. – 320 с. – (Библиотека Института славяноведения РАН).
11. Гречко П.К. Введение в обществознание / П.К. Гречко. – М.: Поматур, 2000. – 320 с.
12. Карев Е.И. Социально-политический миф в контексте инфовзаимодействия / Е.И. Карев // *Проблемы инфовзаимодействия*. – Новосибирск, – 1995. – Вып. 2. – С. 84–96.
13. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 2004. – 704 с.
14. Ожогова Е.Г. Миф и знак в системе молодежной контр-культуры / Е.Г. Ожогова // *Человек в пространстве мифов: Материалы межрегион. конференции 10-11 июня 2004, г. Омск / Омск. гос. пед. ун-т; ред. А.С. Шаров*. – Омск: Изд-во ОмГПУ, – 2004. – С. 90–93.
15. Понукалин А.А. Мифофилософия русской пракультуры / А.А. Понукалин // *Философия и миф сегодня: Межвуз. науч. сб.* – Саратов. – 1998. – С. 72-78.
16. Юнг К.-Г. Архетип и символ / К.-Г. Юнг ; пер. с нем. – М. : Ренессанс, 1991. – 304 с.
17. Савелова Е.В. Миф в современной образовательной парадигме: культурологический аспект. Автореф. дис. ... канд. культурол. наук / Е.В. Савелова. – Владивосток, 1997. – 22 с.

18. Феллер В.В. Новый миф о будущем / В.В. Феллер. – Самара; Уралск, 2000. – 255 с., схем.
19. Глушковская Л. На пороге непредсказуемого. Последнее интервью Ю.М. Лотмана. URL: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=1193> (Дата обращения: 7.07.2018)
20. Зорина Е.В. Социальный субъект мифогенерации / Е.В. Зорина // Филос. исслед. – М., 2002. – №1. – С. 90-97.
21. Элиаде М. Миф о вечном возвращении: Архетипы и повторяемость / М. Элиаде. – Е. Морозова (пер. с фр.), Е. Мурашкинцева (пер. с фр.). – СПб.: Алетейя, 1998. – 250 с. – (Миф, религия, культура)
22. Багрицкий Э. Смерть пионерки. URL: <http://www.litera.ru/stixiya/authors/bagrickij/valya-valentina-chto.html> (Дата обращения: 7.07.2018)
23. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт ; пер. с франц. – М. : Изд. группа Прогресс, Универс, 1994. – 616 с.
24. Найдорф М.И. Очерки европейского мифотворчества / М.И. Найдорф. – Одесса: Друк, 1999. – 215 с.
25. Ставицкий А.В. Современный миф и его основные функции / А.В. Ставицкий. – Севастополь: Рибэст, 2012. – 238 с.
26. Балла О. Примечания к ненаписанному. Статьи. Эссе / О. Балла. – USA: Franc-Tireur, 2010. – 926 с.
27. Бибихин В.В. Внутренняя форма слова / В.В. Бибихин. – СПб.: Наука, 2008. – 420 с.
28. Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: *Сборник материалов I Международной научной междисциплинарной заочной конференции (ноябрь 2017 года, г. Севастополь)* / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева. – Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, – 2018. – 592 с.

Stavitskiy A.V. The Development of Myth in Time: the Rationale for the Problem // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 4 P. 72–84.

The article is devoted to the consideration of the problem of the development of myth in time. It challenges the generally accepted version, according to which the myth as a synonym for lies and illusions by virtue of its archaic origin and archetypal essence, despite its ability for total transformation, is always the same. The reason for the dominance in science of this version is due to the inertia of human knowledge and the lack of understanding of the mechanism of myth making associated with outdated ideas about myth as a phenomenon. The article substantiates the version according to which the myth changes with a person, culture and society, satisfying their cultural needs in accordance with the existing spiritual needs. This version is based on the statement that the myth is not a sign of traditional society and mass consciousness, but is inherent in man at all stages of his development, regardless of the degree of his mind and the quality of education. The myth is an extremely important factor in the spiritual self-organization of man and society, defining the process of meaning-making and playing for them the vital role that science, due to its nature, cannot replace.

Key words: myth, modern myth, transformation of myth, development of myth.

References

1. Stavitskiy A.V. *Ontologiya sovremennogo mifa* [Ontology of Modern Myth]. Sevastopol: Ribest Publ, 2012, 543 p.
2. Tychkin P.B. *Logika mifa v kontseptsii K. Khyubnera kak epistemologicheskaya model evolyutsii postneklassicheskoy nauchnoy metodologii* [The Logic of Myth in the Concept of K. Hübner as an Epistemological Model of the Evolution of Post-Non-Classical Scientific Methodology] // *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta: Filosofiya, sotsiologiya, Kulturologiya* [News of Tomsk Polytechnic University: Philosophy, Sociology, Cultural Studies]. 2010, Vol. 317, № 6, pp. 157–161.
3. Mikeshina L.A., Openkov M.Yu. *Novyye obrazy poznaniya i realnosti* [New Images of Knowledge and Reality]. Moscow: ROSSPEN Publ, 1997, 240 p.
4. Stavitskiy A.V. *Sovremennaya mifologika: opyt postizheniya Inogo* [Modern Mythologies: The Experience of Comprehending the Other]. Sevastopol: Ribest Publ, 2012, 192 p.

5. Ryazanov D.V. K voprosu o mifakh i psevdomifakh [On the Issue of Myths and Pseudo-Myths] // *Filosofskiyе deskripty: Sbornik statey [Philosophical Descript: Collected Articles]*. Barnaul, No. 2, 2002, 282 p.
6. Levi-Stros K. Mifologiki [Mythologies]; per. s frants. Moscow : ID Flyuid Publ, 2007, T. 4. Chelovek golyy [Naked Man], 784 p.
7. Imya – syuzhet – mif [Name – Plot – Myth] / Pod. red. N. M. Gerasimovoy. St. Petersburg: SpbU Publ, 1996, 240 p.
8. Kruglov A.N. Transtsendentalistskaya interpretatsiya mifa [Transcendental Interpretation of Myth] // *Razum i ekzistentsiya. Analiz nauchnykh i vnenauchnykh form myshleniya [Mind and Existence. Analysis of Scientific and Non-Scientific Forms of Thinking]*. Pod red. I. T. Kasavina i V. N. Porusa. St. Petersburg: RKhGI Publ, 1999, pp. 150–162.
9. Rostoshinskiy E.N. Ctruktura mifologicheskogo mirovozzreniya [The Structure of the Mythological Worldview]. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/rostosh/misl8_10.html (Accessed: 7 July 2018)
10. Mif v kulture: chelovek – ne-chelovek [Myth at Culture: Man is Non-Man]. Moscow: Indrik Publ, 2000, 320 p. (Biblioteka Instituta slavyanovedeniya RAN).
11. Grechko P.K. Vvedeniye v obshchestvoznaniye [Introduction to Social Studies]. Moscow: Pomatur Publ, 2000, 320 p.
12. Karev E.I. Sotsialno-politicheskiy mif v kontekste infovzaimodeystviya [Socio-Political Myth in the Context of Information Interaction] // *Problemy infovzaimodeystviya [Problems of Information Interaction]*. Novosibirsk, 1995, Vol. 2, pp. 84–96.
13. Lotman Yu.M. Semiosfera [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ. 2004. 704 p.
14. Ozhogova E.G. Mif i znak v sisteme molodezhnoy kontr-kultury [Myth and Sign in the System of Youth Counterculture] // *Chelovek v prostranstve mifov: Materialy mezhtregion. konferentsii 10-11 iyunya 2004. g. Omsk [Man in the space of myths: Materials interregion. Conference of 10-11 June 2004, Omsk]* / Omsk. gos. ped. un-t; red. A. S. Sharov. Omsk: OmGPU Publ, 2004, pp. 90–93.
15. Ponukalin A.A. Mifofilosofiya russkoy prakultury [Mythophilosophy of Russian Proculture] // *Filosofiya i mif segodnya: Mezhvuz. nauch. sb. [Philosophy and myth today: Interuniversity scientific collection]*. Saratov, 1998, pp. 72–78.
16. Yung K.-G. Arkhetip i simbol [Archetype and Symbol]; per. s nem. Moscow : Renessans Publ, 1991, 304 p.
17. Savelova E.V. Mif v sovremennoy obrazovatelnoy paradigme: kulturologicheskiy aspekt [The Myth in the Modern Educational Paradigm: Cultural Aspect]. Extended abstract of candidate's thesis. Vladivostok, 1997, 22 p.
18. Feller V. V. Novyy mif o budushchem [New Myth of the Future]. Samara; Uralsk, 2000, 255 p.
19. Glushkovskaya L. Na poroge nepredskazuyemogo. Posledneye intervyyu Yu. M. Lotmana [On the Threshold of the Unpredictable. The Last Interview of Yu. M. Lotman]. URL: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=1193> (Accessed: 7 July 2018)
20. Zorina E.V. Sotsialnyy subyekt mifogeneratsii [The Social Subject of Myth- Generation] // *Filos. issled. [Philosophical studies]*. Moscow, 2002, № 1, pp. 90–97.
21. Eliade M. Mif o vechnom vozvrashchenii: Arkhetipy i povtoryayemost [Myth of Eternal Return: Archetypes and Repeatability]. E. Morozova (per. s fr.). E. Murashkintseva (per. s fr.). St. Petersburg: Aleteyya Publ, 1998, 250 p. (Mif. religiya. kultura).
22. Bagritskiy E. Smert pionerki [Death of pioneer]. URL: <http://www.litera.ru/stixiya/authors/bagricksij/valya-valentina-chto.html> (Accessed: 7 July 2018)
23. Bart R. Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika [Selected works. Semiotics. Poetics]; per. s frants. Moscow : gruppa Progress, Univers Publ, 1994, 616 p.
24. Naydorf M.I. Ocherki evropeyskogo mifotvorchestva [Essays on European Myth-Making]. Odessa, 1999, 215 p.
25. Stavitskiy A.V. Sovremennyy mif i ego osnovnyye funktsii [Modern Myth and its Main Functions]. Sevastopol: Ribest Publ, 2012, 238 p.
26. Balla O. Primechaniya k nenapisannomu. Stati. Esse [Notes to Unwritten. Articles. Essay]. USA, Franc-Tireur Publ, 2010, 926 p.
27. Bibikhin V.V. Vnutrennyaya forma slova [Inner Form of the Word]. St. Petersburg, Nauka Publ, 2008, 420 p.

28. Mif v istorii. politike. kulture [Myth in History, Politics, Culture]: *Sbornik materialov I Mezhdunarodnoy nauchnoy mezhdistsiplinarnoy zaochnoy konferentsii (noyabr 2017 goda. g. Sevastopol)* [Collection of materials of the I International Scientific Interdisciplinary Correspondence Conference (November 2017, Sevastopol)] / Pod redaktsiyey O.A. Gabriyelyana. A.V. Stavitskogo, V.V. Khapayeva. Sevastopol: Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v g. Sevastopole, 2018, 592 p.